

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СВИДЕТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Статья посвящена историческому аспекту возникновения и формирования института свидетельского иммунитета в российском уголовно-процессуальном законодательстве.

Свидетельский иммунитет стал зарождаться с первых судебных процессов, когда допускалось заслушивание сторон и возможность вынесения решения ставилась в зависимость только от свидетельских показаний. В законе указывалось о допустимых свидетелях. Следует отметить, что первоначально институт свидетельского иммунитета был составной частью института допустимости доказательств и их пригодности. Данный вывод подтверждается анализом исторических правовых документов. В ряде норм Русской правды, одного из самых древних источников права, мы находим свидетельства об источниках доказательств по различным категориям уголовных дел [1]. Так ст. 15 указывала, что при утрате одежды следует представить двух свидетелей, граждан свободных. Свидетели делились на послухов, то есть свидетельствующих по слуху, и видоков, то есть очевидцев. Согласно ст. 59 и 81 Русской правды видоками и послухами могли быть свободные мужчины. «Послухи» и «видоки» играли в процессе разные роли. Если трактовка термина «видоки» не вызывает сомнения, это действительно простые свидетели, то понятие «послухи» несколько иное. Они должны были ручаться за добросовестность лица, располагавшего необходимыми суду сведениями [2].

Характерной особенностью законодательства того времени является особое положение иностранцев на Руси. Им предоставлялись дополнительные привилегии в процессе производства по делу. Так, в частности, в ст. 38 Русской правды указано, что варягу и чужестранцу вместо семи свидетелей возможно представить только двух, а обвинить чужестранца без семи свидетелей нельзя. Как замечает Н.М. Карамзин, древние наши законы особенно покровительствовали иноземцам [3].

Это же мы видим в Пространной правде. Статья 66 Пространной правды указывала на

допустимых свидетелей, которыми могли быть только свободные люди. Показания зависимых людей – холопов были ненадлежащими доказательствами и, как правило, не принимались в судах того времени. На случай отсутствия свидетелей таковым мог выступать боярский тиун. Новгородская судная грамота в ст. 22 запрещала холопам быть свидетелями в суде, однако не исключала такой возможности, когда рассматривалось дело в отношении холопа.

Таким образом, древнее российское законодательство весьма подозрительно относилось к представленным свидетельским показаниям и возможности их использования в процессе производства по делу.

Судебник 1497 г. изменил подход государства к получению доказательств. По данному правовому акту доказательствами могли выступать как показания самого обвиняемого, так и показания свидетелей. В этот период довольно распространенным стало применение пытки. При получении признания обвиняемого сразу же выносили приговор. Молчание под пыткой приводило к ее повторению. Закон устанавливал применение пытки до 3 раз. Если обвиняемый, выдержав пытки, все же не сознавался, то заключался в тюрьму и оставался под подозрением до окончательного выяснения обстоятельств [4]. Таким образом, из средневековой Европы и в Россию пришла пытка как допустимый способ получения признания обвиняемым своей вины. Достаточность такого признания приводила к немедленному вынесению приговора. Даже молчание обвиняемого не позволяло ему быть освобожденным, он оставался довольно продолжительное время под подозрением. Наряду с показаниями самого обвиняемого царницей доказательств считались и показания определенного количества добрых людей [5]. Отсутствие других доказательств не препятствовало осуждению виновного лица. Соглас-

но ст. 48 Судебника свидетелями могли быть любые лица, за исключением лиц, причастных к совершению преступления, и малолетних.

Статья 52 Судебника 1550 года оставляет пытку как способ осуществления расследования по уголовным делам и рассматривает признание обвиняемого наилучшим из всех. Если обвиняемый признавался, он приговаривался к смертной казни, если он выдерживал пытку, он приговаривался к пожизненному тюремному заключению с обязательным возмещением вреда. Как видим, вопрос о наделении обвиняемого правом не свидетельствовать против самого себя не стоял и не рассматривался. Наказание назначалось независимо от признания обвиняемым своей вины, другое дело, что вид такого наказания был различным. Непризнание вины обвиняемым рассматривалось в качестве молчаливого согласия с выдвинутым обвинением.

Появление Соборного уложения 1649 г. внесло несколько изменений в процесс доказывания. Возможность использования свидетельских показаний зависела от занимаемого свидетелем социального положения. Для свидетелей было предусмотрено крестное целование – присяга. А ст. 161 указывала, что присягу должны были приносить свидетели в зависимости от вероисповедания всяк по-своему. Но никаких преимуществ показания русских не имели, все показания, данные иноверцем под присягой, приравнивались к показаниям, данным русским человеком. А вот что касается показаний феодально-зависимых людей и женщин, то, несмотря на то, что их показания допускались, определялся порядок их участия в деле ст. 173 Соборного уложения. Данные свидетели должны были пройти определенную процедуру – крестное целование перед образом. Статья 174 указывает на недопустимых свидетелей, к коим относится челядин. Статья 177 впервые говорит о возможности освободить жену от дачи показаний против своего мужа. Однако законодатель исходит из общего положения о том, что женщина все равно не может показывать на своего мужа, поэтому ей нельзя верить [6], а не из положений сохранения семейных отношений или морально-нравственных критериев. Статья 6 главы 22 Уложения запрещала детям доносить на своих родителей. На наш взгляд, именно с этого момента началось формирование норм свидетельского иммунитета.

В «Кратком изображении процессов» 1715 г. к свидетельству допускались любые лица, однако отношение к их показаниям у суда было различным, либо они относились к совершенным доказательствам, либо несовершенным. В этот период главным и самым ценным доказательством оставалось признание обвиняемым своей вины. Пытка была обычным делом, допускался допрос с пристрастием, различного вида угрозы и побои [7]. К личности свидетеля был особый интерес у законодателя, от личности свидетеля зависела оценка этих показаний как достоверных со стороны суда. В данном законодательном акте был очерчен круг свидетелей, которые не могли свидетельствовать. По сравнению с более ранним законодательством круг таких лиц существенно расширился. Исключался допрос в качестве свидетелей клятвоступников, проклятых церковью, не бывших у святого причастия, лиц, портящих тайно межевые знаки, изгнанных из государства, лишенных чести, явных прелюбодеев, негодных и презираемых свидетелей.

В Своде законов Российской империи 1832 г. продолжает свое развитие концепция определения достоверных доказательств, определения ценности собственного признания обвиняемым своей вины, а также ценности свидетельских показаний. Признание обвиняемым своей вины остается одним из важнейших доказательств по уголовному делу. Но признание признанию рознь, и эту разницу четко определял законодатель. В ст. 1031 Свода законов Российской империи указывалось, что признание должно быть дано и выражено действительно и точно, а не быть только подразумеваемым, напр. из молчания обвиняемого и т.п.; оно должно быть дано им произвольно и без всякого физического и психического принуждения, чтобы не оставалось потом никакой причины думать, что оно дано по страху и для устранения принуждения [8]. Таким образом, российское законодательство стало весьма осторожно относиться к признанию обвиняемым своей вины и устанавливало определенные гарантии такого признания, которые бы позволяли с наибольшей достоверностью судить об истинности данных обвиняемым показаний. К таким гарантиям законодатель отнес отсутствие физического и психического принуждения, а также предоставил обвиняемому право на молчание, которое право при-

менитель не мог расценивать как выраженное действительно и точно признание своей вины.

По российским законам того времени все свидетели делились на две большие группы – способные к свидетельству и не допускаемые к свидетельству под присягой по делам уголовным. Свидетелями могли быть как мужчины, так и женщины, которые имели «здравые физические чувства и рассудок» [9] и могли дать правильные показания по поводу искомых событий. Законодатель также предусмотрел в этой группе свидетелей, показания которых могли быть использованы, если не было иных свидетелей. К ним относились крепостные подсудимых, их вольноотпущенные и люди, находящиеся у них в услужении и получающие у них пропитание. Законодатель не устанавливает в отношении этих свидетелей каких-либо преимуществ либо, наоборот, негативного отношения. Оцениваются эти показания наряду с имеющимися другими доказательствами по уголовному делу. Ко второй группе относятся не допустимые к свидетельству под присягой. Эта группа свидетелей не могла быть допрошена ни при каких обстоятельствах. Позволю себе привести перечень этих лиц, содержащихся в ст. ст. 946 и 947 Свода законов Российской империи: малолетние, не достигшие 15-летнего возраста; безумные и сумасшедшие; глухонемые; смертоубийцы, разбойники, воры, люди, портившие межевые знаки, учинившие прежде в суде лживую присягу, склонившие других к ложному свидетельству, изгнанные из государства, публично наказанные за преступления и вообще все, лишенные чести и всех прав состояния; явные прелюбодеи; не бывшие никогда у Святого причастия; иностранцы, поведение коих неизвестно; те, которые свидетельствуют по слуху от других; отчужденные или проклятые от церкви; лица, прикосновенные к делу; находящиеся с подсудимым в родстве и ближайшем свойстве, или в дружбе, или имевшие с ним до того времени вражду, хотя бы потом они помирились; дети против родителей, но не наоборот; отпущенные на волю против прежних их помещиков и их детей; люди, подкупленные к свидетельству; раскольники в делах правоверных, исключая дел между собой; жены против мужей.

Я.И. Барцев, описывая порядок получения и принятия показаний свидетеля, уточняет еще одну группу лиц, которые не могут быть допрошены в качестве свидетелей ввиду налагаемого на них

молчания. К данным лицам относятся имеющие наличие ближайшего родства с подсудимым или особенное их значение, каковы, например, государственные чиновники относительно тайн по службе и духовные отцы относительно тайны исповеди [10]. Впервые в законодательстве Российской империи появились положения, которые позволяют говорить о законодательном формировании норм института свидетельского иммунитета. Причем законодатель первоначально исходил из норм-запретов, а уже затем подошел к возможности самим участникам процесса принимать решение о возможности отказать или дать показания. Впервые вопрос о проникновении диспозитивных начал в процесс доказывания появился именно в этот период.

Дальнейшее развитие институт свидетельского иммунитета находит в Уставе уголовного судопроизводства. Согласно Уставу уголовного судопроизводства первый допрос обвиняемого ограничивался удостоверением личности, извещением его о фактах, поставленных ему в вину, и выслушиванием его объяснений и заявлений, после предупреждения о его праве не отвечать на вопросы [11]. Таким образом, со времен инквизиции до реформирования уголовно-процессуального права в XIX в. преобладала правовая концепция, в соответствии с которой судья имеет право требовать от обвиняемого предоставления правдивой информации [12].

После Октябрьской революции шел процесс поиска новых процессуальных форм. Отмена старого законодательства была отражена в Положении о полковых судах 1919 г., Положении о военных следователях 1919 г. Роль свидетеля в этих законодательных актах, его процессуальное положение предоставляли свидетелю право не отвечать на вопросы, уличающие его в совершении какого бы то ни было преступления [13]. Дальнейшее реформирование было связано с принятием уголовно-процессуального законодательства 1922 и 1923 г. Статья 169 УПК РФ и ст. 166 УПК РСФСР устанавливали, что свидетель может быть опрашиваем исключительно о фактах, подлежащих установлению в данном деле, и о характеристике личности обвиняемого [14]. Однако в процесс применения данных норм постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР от 1.06.1925 г. были внесены существенные коррективы. Согласно

данному постановлению свидетель имел право отказаться от ответов на вопросы, «могущие бросить тень на его личность» [15]. Революционная идеология и уголовная политика того времени были направлены на решение иных вопросов, таких как защита государства и общества, а не защита прав и свобод человека и гражданина. В дальнейшем это направление уголовной политики вытеснило из практики эти рекомендации Пленума Верховного Суда РСФСР. В ст. 65 УПК РСФСР (1922 г.) и ст. 61 УПК РСФСР (1923 г.) осталось лишь указание на круг лиц, которые не могли быть допрошены в качестве свидетелей. К ним относили защитников обвиняемого по делу, по которому он выполняет таковые обязанности, и лиц, которые ввиду своих физических и психических недостатков не способны правильно воспринимать имеющие значение по делу явления и давать о них правильные показания.

В дальнейшем законодатель вообще упразднил привилегию молчания, интересы публичные стали главным направлением защиты. Постановления Пленумов Верховного Суда СССР

и РСФСР тему свидетельского иммунитета не затрагивали.

Анализ российского законодательства позволяет обратить внимание на то, что защите публичных интересов при слабой защите интересов частных посвящено большинство положений законодательства, касающихся свидетельского иммунитета. Основную сущность уголовной политики советского периода составляла односторонняя исключительная направленность ее на обслуживание и выражение интересов государства, как правило, в ущерб интересам личности [16]. Но, несмотря на это, проведенный нами исторический анализ законодательства позволяет сделать важный вывод: нормы, регламентирующие институт свидетельского иммунитета, всегда являлись для законодателя важной составляющей реализации участниками уголовного судопроизводства своих прав. Наблюдается историческая преемственность многих положений российского законодательства, что позволяет говорить об исторически сложившемся правовом институте – институте свидетельского иммунитета.

Список использованной литературы:

1. В Древней Руси законодательство было сформировано таким образом, что не подразделялось на нормы материального и процессуального права.
2. Курс уголовного судопроизводства: Учеб.: в 3 т./ Под ред. В.А. Михайлова. – Т. 3: Особый порядок судопроизводства. – М.: Из-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Из-во НПО «МОДЭК», 2006. – С. 397
3. Там же.
4. Там же. – С. 421.
5. Статья 12 Судебника указывала на возможность привлечения 5-6 добрых людей, которые бы могли подтвердить факт воровства, и в этом случае права истца подлежали восстановлению. К таким добрым людям относились дети боярские, свободные служилые люди, получившие земельный надел, волостные крестьяне.
6. Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти томах. – Т. 3. – М., 1984. – С. 310.
7. Курс уголовного судопроизводства. – С. 429.
8. Цитируется по: Баршев, Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. – М.: «ЛексЭст», 2001. – С. 54-55.
9. Там же. – С. 56.
10. Там же. – С. 110.
11. Даневский, В.П. Наше предварительное следствие: его недостатки и реформа. К.: Семенко Сергей, 2003. – С. 45.
12. Интернет-ресурс: <http://www.Konstituzia.Ru/> Kommentar / part 44. htm
13. См.: Агаев, Ф.А., Галузо, В.Н. Иммунитеты в российском уголовном Процессе. Монография. М.: ТЕИС, 1998. – С. 95; Дондамаев, М.А. Свидетельские показания рабов в суде Вавилона IV в. до н.э. // Вестник древней истории. 1968. – №1.
14. Божьев, В.П., Лубенский, А.И. Источники доказательств по уголовно-процессуальному законодательству СССР и других социалистических государств. Учебное пособие. М.: Би Академия МВД СССР, 1981. – С. 12.
15. См.: Павлов, Н.Е. Долг свидетеля. М.: Советская Россия, -1989. – С. 120.
16. Малышева, О.А. Современная уголовная политика российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Автореферат дисс...д.ю.н., Рязань, 2006. – С. 25.